

ТЕОРИЯ • THEORY Научная статья • Article



С. А. Красильников

«Бывшие» в Сиб(край)плане в 1920-е гг.: аспекты социально-профессиональной адаптации

Аннотация. В статье рассматривается проблема постреволюционной эпохи, связанная с выходом России из Гражданской войны и переходом к «гражданскому миру» и потребовавшая адаптации ее участников к новой реальности. Особую остроту ситуация приобрела для активных в прошлом деятелей антибольшевистского движения, репрессированных, но затем амнистированных большевистским режимом. Высокая востребованность интеллектуального труда в создававшихся впервые органах государственного планирования экономики позволила ряду видных ее представителей (проф. Н. Я. Новомбергскому, генералу В. Г. Болдыреву и др.) занять ключевые позиции в процессе создания и функционирования Сиб(край)плана в 1920-е гг. На основе информации из личных дел и ведомственного делопроизводства осуществлена реконструкция базовых структур повседневности представителей этой категории (заработная плата, бытовые условия, состояние здоровья и т. д.). Сделан вывод о том, что адаптационные процессы характеризовались позитивной ресоциализацией «бывших», поскольку после окончания Гражданской войны значительная их часть подвергалась хотя и кратковременным, но арестам, заключению, дискриминациям. Теперь же они по основным параметрам жизнеобеспечения сближались с краевой номенклатурой среднего звена. Их социальные и профессиональные аспекты адаптации проходили во взаимосвязи, что обеспечивало высокую и устойчивую эффективность их интеллектуального труда. Однако этот процесс был прерван возобновившейся после 1928 г. масштабной дискриминационно-репрессивной политикой большевистского режима в отношении бывших политических его противников. Таким образом, период восстановления и роста интеллектуального потенциала страны и региона в 1920-е гг. сменился в последующем десятилетии политикой уничтожения части его носителей.

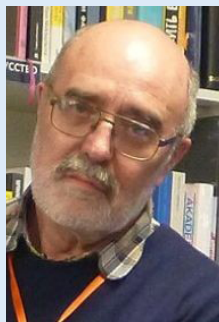
Ключевые слова: интеллектуальный труд, бывшие, Сибплан, Крайплан, адаптационная практика, дискриминация, репрессия

Для цитирования: Красильников С. А. «Бывшие» в Сиб(край)плане в 1920-е гг.: аспекты социально-профессиональной адаптации // Книга. Чтение. Медиасреда. 2025. Т. 3, № 4. С. 354–363. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-4-2>.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025

Получена после доработки 11.11.2025

Принята для публикации 02.02.2026



Красильников Сергей Александрович

*Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук,
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8366-6083
e-mail: krass49@gmail.com*

© С. А. Красильников, 2025

S. A. Krasil'nikov

"Formers" in the Sib(Kray)Plan in the 1920s: Aspects of Social and Professional Adaptation

Krasil'nikov Sergei A.

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher
ORCID: 0000-0001-8366-6083
e-mail: krass49@gmail.com

Abstract. This publication examines one of the challenges of the post-revolutionary era, associated with Russia's exit from the Civil War and the transition to "civil peace", which required its participants to adapt to the new reality. This challenge was particularly acute for formerly active figures in the anti-Bolshevik movement, who were repressed but later amnestied by the Bolshevik regime. The high demand for intellectual labor in the newly established state economic planning bodies allowed several of its representatives (Professor N. Ya. Novomberg-sky, General V. G. Boldyrev, and others) to occupy key positions in the creation and functioning of the Siberian (Regional) Plan in the 1920s. Based on information from personal files and departmental records, a reconstruction of several basic structures of the everyday life of representatives of this category (wages, living conditions, health status, etc.) has been carried out. It is concluded that the adaptation processes were characterized by a positive resocialization of the "former" workers, and their basic life support parameters converged with those of the regional mid-level nomenklatura. The social and professional aspects of their adaptation were interrelated, ensuring the high and sustainable effectiveness of their intellectual work, which had been interrupted by the Bolshevik regime's resumption of large-scale discriminatory and repressive policies against its former political opponents after 1928. Thus, the period of restoration and dynamic growth of the country's and the region's intellectual potential in the 1920s gave way to a policy of extermination of some of its bearers in the following decade.

Keywords: intellectual labor, former, Siberian (Regional) Plan, adaptation practice, discrimination, repression

Citation: Krasil'nikov S. A. "Formers" in the Sib(Kray)Plan in the 1920s: Aspects of Social and Professional Adaptation // Book. Reading. Media. 2025. Vol. 3, No. 4. P. 354–363. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-4-2>.

Received 21.10.2025

Revised 11.11.2025

Accepted 02.02.2026

Введение

В современных отечественных и зарубежных социально-гуманитарных дисциплинах значительное место уделяется исследованию проблематики перехода от экстремальных, кризисных состояний общества (войны, революционные события, внешние и внутренние социально-экономические кризисы и т. д.) различной длительности к периодам последующего восстановительного цикла. Эта фаза включает нормализацию политических, социальных, экономических и культурных институтов, необходимых для обеспечения устойчивого развития той или иной страны. Для России эпоха войн и революций, охватившая длительный восьмилетний период (1914–1922), сопровождалась громадными потерями экономического, демографического и человеческого потенциала. Восстановительный цикл с нормализацией не только институциональной, но и повседневной жизнедеятельности

до перехода к новому циклу экстремальности и «чрезвычайщины» («Великий перелом») оказался почти таким же по продолжительности.

Период, именуемый в литературе как время «новой экономической политики» 1920-х гг., был в известной мере переходным состоянием от одной «чрезвычайщины» к другой. Это обстоятельство не умаляет и даже подчеркивает необходимость научного изучения такой переходной динамики, где проявляли себя и сосуществовали две разнонаправленные тенденции. Первая была направлена на нормализацию деятельности институтов власти, восстановление «гражданского мира» с основными социальными общностями и укрепление легитимности партийного государства. Вторая же состояла в сохранении и воспроизводстве в стране высокого уровня социальной напряженности и конфликтности как своего рода «эха», эпилога военно-революционной эпохи.

Одной из областей взаимодействия, где отчетливо проявлялись обе тенденции (нормализация и конфронтационность), стала унаследованная большевистским режимом социальная структура. Определенную ее часть власть не только не относил к разряду своих сторонников, но и считала либо реальными, либо потенциальными противниками. В эту категорию причислялись и «бывшие» – оставшиеся в стране представители ранее привилегированных сословий и классов (социально-экономический критерий) и участники антибольшевистских движений и организаций (идеолого-политический критерий). Государственная политика по отношению к таким крайне разнородным общностям «бывших» после завершения самой острой фазы Гражданской войны в 1921 г. реализовывалась в широком диапазоне. Она включала как доктринальные установки жесткого характера (продолжение репрессий в сочетании с ограничениями в отношении «контрреволюционных элементов»), так и прагматическую практику использования их трудового, экономического и культурного потенциала для реализации программ новой власти (Смирнова, 2003, с. 3–11; Баранова, 2014, с. 27–29; Петин, 2023, с. 90–104).

Целью исследования является историческая реконструкция условий и факторов формирования, а также динамики социально-профессиональной адаптации «бывших» к новой послевоенной реальности. Взаимосвязанность указанных аспектов проявляется в том, что интеллектуальная профессия детерминировала социальный статус и материально-бытовые условия их повседневности. В качестве объекта анализа выступает немногочисленная группа высококвалифицированной интеллигенции из числа ранее активных деятелей антибольшевистского движения на востоке России. Эти люди подверглись аресту, но затем были амнистированы властью и на протяжении последующих лет трудились в краевых плановых органах Сибири в Омске, затем Новониколаевске (Новосибирске).

Методологической основой исследования выступает социологическая модель, позволяющая рассмотреть на эмпирическом материале разновидности, механизмы и практики социальной адаптации (Корель, 2005). Актуальность адаптационного подхода состоит в том, что он позволяет установить основные характеристики вживания «бывших» в новую советскую реальность. Анализируется соотношение позитивных факторов, нормализующих жизнедеятельность последних (социально-бытовые структуры повседневности и профессиональные возможности реализации своего интеллектуального потенциала), и факторов деструктивного характера (охранительный надзор

над ними). В основу эмпирического материала легли документальные источники из хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области фондов Сибревкома (Ф. Р–1), Сибирской плановой комиссии (Ф. Р–1180) и Сибкрайплана (Ф. Р–12).

«Бывшие» как ядро планово-экономических экспертов краевой власти

После восстановления большевистской государственности на основной территории Сибири к концу 1920 г. руководящим органом стал наделенный чрезвычайными полномочиями Сибирский революционный комитет (Сибревком), деятельность которого продолжалась вплоть до конца 1925 г. Структурно и функционально он в целом воспроизводил на региональном уровне состав центральных органов власти, а его отделы, так называемые Сиббы, имели двойное подчинение: соответствующим наркоматам в Москве по вертикали и руководству Сибревкома в регионе. Это приводило к тому, что с возникновением Госплана республики потребовалось преобразовать имевшийся на тот момент в структуре Сибревкома экономический отдел в Сибирскую плановую комиссию (Сибплан). Формирование кадрового состава нового для советской системы органа потребовало привлечения высококвалифицированных специалистов в базовых сферах региональной экономики. Для этого были применены чрезвычайные методы набора сотрудников, в том числе из числа известных деятелей антибольшевистского движения в Сибири. Костяк новой структуры составили видные эсеры П. Я. Дербер и Е. Е. Колосов, меньшевик И. М. Майский, а также находившиеся под арестом группы бывших видных функционеров колчаковского правительства проф. Н. Я. Новомбергский, финансист Г. А. Краснов и др.

Громадную роль в этом сыграла энергия и настойчивость руководителя экономического отдела И. М. Майского, добившегося освобождения арестованных «колчаковских министров» как крайне важных для работы в экономической сфере специалистов. Безусловным требованием для полноценной службы на ответственных должностях для указанной группы «бывших» становился процесс их амнистирования ВЦИКом в 1921–1923 гг., описанный в публикации А. И. Савина и В. В. Журавлева (Савин, Журавлев, 2023).

Впоследствии часть лиц этой категории, в силу их высокой востребованности в Центре, выехала из Сибири, но ядро «бывших» сохранилось. В последующие годы вплоть до конца 1920-х гг. они являлись организаторами раннесоветского регионального сибирского планирования. К их числу следует отнести таких деятелей, как профессора Николай Яковлевич Новомбергский и Василий

Георгиевич Болдырев (помимо прежнего генеральского чина он был также профессором Академии Генерального штаба); известный финансист Григорий Андрианович Краснов; бывший меньшевик, Николай Саввич Васильев, возглавлявший городское хозяйство Томска в годы Гражданской войны. Все они входили в руководство Сибплана, реорганизованного в начале 1926 г. в Сибкрайплан.

Несмотря на ряд публикаций в научной литературе о Н. Я. Новомбергском и В. Г. Болдыреве (Акишин, 2019; Пивкин, 2009), авторы практически не затрагивают период их жизнедеятельности в ходе работы в краевых плановых органах, тем самым «вынося за скобки» важнейший процесс их социально-профессиональной адаптации к новой советской реальности. С целью отчасти восполнить эту исследовательскую лакуну далее обратимся к условиям жизнедеятельности сотрудников Сиб(край)плана из категории «бывших» в 1920-е гг.

При рассмотрении профессиональной и социокультурной деятельности «бывших» нельзя обойти вопросы, связанные с жизненными условиями и социальным положением в обществе. Для реконструкции этих аспектов сохранилось немного источников. Определенная информация содержится в сохранившихся личных делах, где отражены вопросы, связанные не только со служебным положением, заработной платой, возможностью совместительства в других организациях, длительностью командировок, но и с отпускным временем, состоянием здоровья, лечением и т. д.

Прежде всего отметим, что изучение особенностей труда и быта «бывших» требует их рассмотрения в контексте 1920-х гг. Первые годы после Гражданской войны в Сибири характеризовались нестабильной обстановкой, носившей черты последствий чрезвычайной ситуации: стесненность в жилье, натуральные пайки, переезд так называемых СИБов (органов управления «сибревкомовской Сибири») из Омска, обустройство аппаратов в Новониколаевске и т. д. Относительно устойчивыми данные условия становятся к 1924 г. в ходе проведения денежной реформы и восстановления городского коммунального хозяйства.

Динамика основ жизнедеятельности «бывших»

Рассмотрим представленные аспекты на основе документации из личных дел «бывших». Первым сотрудником вновь сформированного Экономического отдела (ЭО) Сибревкома стал один из видных в прошлом эсеровских деятелей Петр Яковлевич Дербер, проработавший затем в плановых органах с весны 1921 до весны 1922 г. При поступлении на должность экономиста ему установили месячный оклад 6 тыс. рублей. В начале марта 1921 г. в связи с трехнедельной командировкой

из Омска в Томск ему полагалось получить на этот срок «положенное количество продуктов»¹. Это означало, что помимо денежного довольствия работникам в то время полагались продуктовые выдачи.

Дербер был основным кормильцем в семье, поскольку его жена не работала и ухаживала за малолетним сыном. По этой причине Дербер ходатайствовал в июне 1920 г. о разрешении на совместительство в Сибздравотделе на должности заведующего юридическим подотделом с пребыванием на этой работе «от 1 часа до 3 часов дня»², на что ему такое разрешение было выдано. Ставший в 1921 г. руководителем ЭО И. М. Майский очень ценил Дербера как своего заместителя. Однако когда Дербер получил еще одно совместительство, уже в Сибпродпути, Майский в апреле 1921 г. категорически указал на невозможность такого совмещения³. Дербер действительно был правой рукой Майского, о чем свидетельствовало выданное удостоверение, согласно которому в его отсутствие Дербер имел полномочия подписывать все финансовые документы ЭО⁴.

В апреле 1921 г. произошел инцидент с жилищными условиями семьи Дербера. Со своей семьей из четырех человек он занимал комнату с правом расширения до двух комнат. Однако омская жилкомиссия выдала одному из военнослужащих ордер на вторую комнату. По просьбе Дербера Майский направил в жилкомиссию требование об аннулировании выданного ордера, мотивируя это следующим образом: «Не говоря уже о полной невозможности для семьи в 4 человека разместиться в одной комнате, необходимо принять во внимание, что Дербер занимает весьма ответственное место в учреждении, ведущем работы первостепенного государственного значения, для выполнения которых он естественно должен иметь сколько-нибудь сносные условия». В ином случае Майский считал необходимым обратиться «по сему предмету для доклада Предсибревкома»⁵. После переезда в Новониколаевск из Омска Дербер получил не только отдельную квартиру в центре города, но и право на установку в ней телефона. В сентябре 1921 г. ему было выдано удостоверение, разрешающее ему как ответработнику пользоваться электроэнергией «в количестве 2 ламп в 16 и 25 свечей»⁶.

Мандат, выданный Дерберу как ответственному работнику Сибревкома, подлежал ежемесячному продлению и был переполнен гербовыми печатями и подписями. Его жене также полагалось удостоверение о том, что она является супругой ответработника Сибревкома⁷. Когда в начале 1922 г. Дербер поехал

¹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 232. Л. 7.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 42.

⁷ Там же. Л. 27, 28.

в Москву по делам Сибплана, мандат ему выдавал председатель Сибревкома И. Н. Смирнов⁸.

Материалы личного дела П. Я. Дербера позволяют установить важные черты труда и повседневности ответработника. Его жизнь была сопряжена с постоянными деловыми нагрузками и обязанностями, которые приходилось непрерывно фиксировать, документально оформлять бумагами и т. д. Нестабильность материального положения требовала поисков совместительства в других учреждениях. В то же время именно его служебная должность в плановых органах позволяла затем решать вопросы, связанные с улучшением жилья и с телефонным и коммунальным обслуживанием. Профессиональная карьера в Сибири видного в прошлом эсера прервалась весной 1922 г. Будучи первоначально вызванным в Москву в качестве свидетеля в процессе над лидерами партии социалистов-революционеров, Дербер затем сам оказался под арестом и после освобождения уже работал в Москве.

Ситуация с В. Г. Болдыревым, который после амнистии получил возможность поступить на должность в Сибплане, оказалась схожей с Дербером, поскольку его новое положение и заработки обеспечили ему более стабильное существование. Так, при приеме на работу в Сибплан с 25 ноября 1924 г. он получил должность экономиста «по 14-му разряду тарифной сетки с отплатой спецставки в 120 рублей в месяц»⁹. До этого с осени 1923 г. Болдырев служил в губплане Новониколаевска, но затем был уволен оттуда по сокращению штатов. Денежная реформа, проведенная в стране к 1924 г., обеспечила стабильность рубля. В последующие годы по мере должностного роста (он стал руководителем Конъюнктурного бюро) его оклад увеличился вдвое, достигнув в 1928 г. 250 рублей¹⁰. В приказе о повышении окладов сотрудникам Крайплана от 4 марта 1927 г. указывалось: «Руководителю Конъюнктурного бюро т. Болдыреву установить оплату труда по 16-му разряду 17-разрядной сетки 86 руб. 40 коп. и из спецфонда 163 руб. 60 коп., а всего 250 руб.»¹¹.

Что касается жилищных условий, в анкете при поступлении на службу Болдырев указал адрес в Новониколаевске (ул. Свердловская, 13) без номера квартиры. Этот факт позволяет предположить, что он жил в отдельном доме. Впоследствии, вплоть до своего ареста в 1933 г., он указывал следующий адрес: ул. Трудовая, д. 62. Состояние здоровья Болдырева оставалось сложным. Практически каждый год из-за бронхита он болел и находился на лечении. Весной 1925 г. его

отпуск по болезни длился около недели, а зимой 1926 г. – около двух недель¹². Однако, когда это было возможно, он просил доставлять материалы для работы на дом. После создания в 1926 г. Научно-исследовательского бюро, затем переименованного в 1927 г. в Бюро по изучению производительных сил (БИПС), он занимал руководящие должности, и за это ему полагалась доплата. Другим источником заработка для Болдырева было членство в редколлегии журнала «Жизнь Сибири», где он ежемесячно с 1925 г. получал 48 руб.

Отпуск Болдыреву полагался в 1925 и 1926 гг. и составлял две недели¹³. В то же время в удостоверении на отпуск, выданном Сибпланом, содержалась важная для его тогдашнего положения оговорка: Болдырев отправлялся в отпуск с 27 июля по 11 августа 1925 г. «с правом выезда из города»¹⁴. Это означало, видимо, что после амнистии он продолжал оставаться под наблюдением. В 1927 г. отпуск был увеличен до одного месяца¹⁵. Однако в том же году его отпуск оказался прерван в силу особых обстоятельств: Болдырева вызвали свидетелем на судебном процессе в Казахстане по делу атамана Б. Анненкова. В приказе по Крайплану от 28 июля 1927 г. указывалось: «Руководителю Конъюнктурного бюро тов. Болдыреву В. Г. очередной отпуск считать прерванным с сего числа для поездки в г. Семипалатинск по вызову Председателя Сессии Верховного Суда»¹⁶.

О многогранности деятельности Болдырева за рамками собственно служебной работы в Крайплане свидетельствует тот факт, что он был одним из членов редколлегии первых трех томов «Сибирской советской энциклопедии», автором ряда статей и редактором отделов картографии, географии, энергетики, районирования, связи. Это свидетельствует о признании его научного авторитета в упомянутых областях знания.

Информация из личного дела Н. Я. Новомбергского¹⁷ позволяет установить ряд важных сведений о его жизнедеятельности во время работы в плановых органах Сибири. По ходатайству И. М. Майского он был переведен в штат сотрудников из-под фактического ареста (отбывания принудительных работ) с 14 февраля 1921 г. (рис. 1). Летом 1921 г. он работал экономистом сельскохозяйственного подотдела Экономического отдела Сибревкома¹⁸. В анкете указан состав семьи: жена-врач и дочь (22 года)¹⁹. При переезде летом 1921 г. из Омска в Новониколаевск и устройстве на новом

⁸ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 232. Л. 31.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1885. Л. 1.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 749. Л. 73.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1885. Л. 22.

¹² Там же. Л. 8, 21.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 23.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 560.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 8.

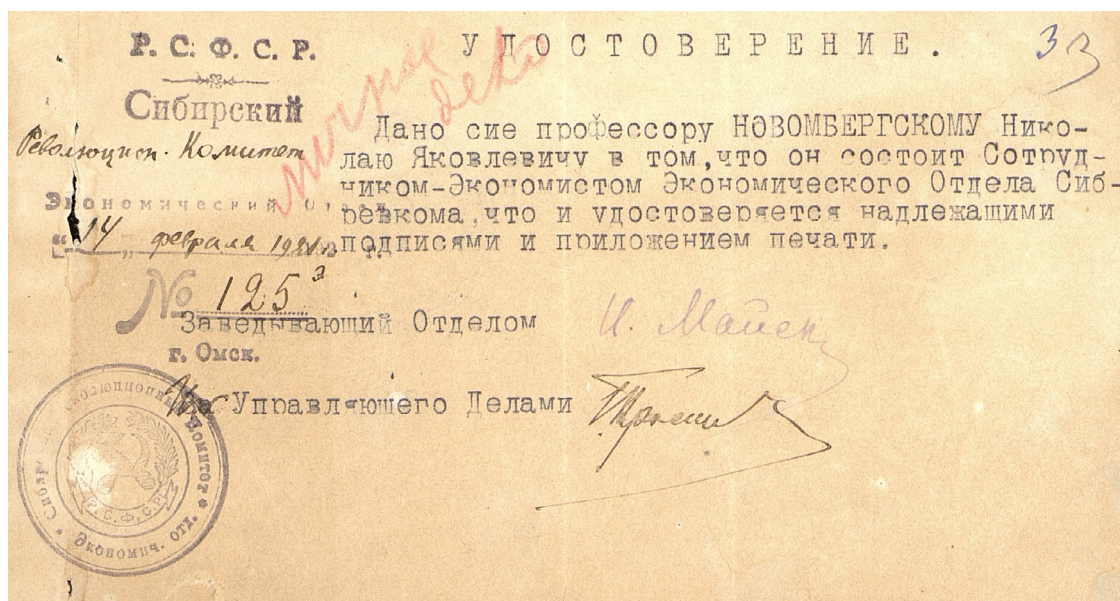


Рис. 1. Удостоверение, выданное Н. Я. Новомбергскому от 14 февраля 1921 г. о начале его работы в Экономическом отделе Сибревкома. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 560. Л. 3. Подлинник, подписи – автографы

Fig. 1. Certificate on the commencement of N. Ya. Novombergsky's work in the Economic Department of the Siberian Revolutionary Committee. It was issued on February 14, 1921. GANO. F. R-12. Op. 2 l. D. 560. L. 3. Original, signatures – autographs

месте ему приходилось прибегать к использованию служебного положения для получения утвари (ходатайство в Губпродком о «выдаче ему для хозяйственной надобности кадки»)²⁰. Уже в Новониколаевске он получал предложения не только о совместительстве (ему разрешалось быть консультантом Сибпромбюро): в феврале 1922 г. руководство Сибпромбюро ходатайствовало о полном переводе его на службу²¹. В результате в течение более года Новомбергский работал на постоянной должности в Сибпромбюро, сохраняя совместительство в Сибплане²². Работа в Сибпромбюро в тот период действительно была важным подспорьем. Так, в июне 1922 г. его уведомили о начислении причитавшегося ему гонорара за месяц в размере 21 миллиона рублей и 2 пудов 9 фунтов муки²³.

В личном деле Новомбергского есть документ, описывающий процедуру ходатайств о его амнистировании, которое ожидалось осенью 1922 г. в связи с 5-летней годовщиной Октябрьской революции. В обращении руководство Сибплана в Сибревком 26 мая 1922 г. указывалось: «...еще 25 октября 1921 г. состоялось постановление Сибгосплана, коим он ходатайствовал об амнистировании Новомбергского. Дальнейшая судьба этого ходатайства Сибгосплану неизвестна, но он остается при прежнем своем заключении и, наблюдая

работу Новомбергского в качестве сотрудника-экономиста и в дальнейшем заведующего научно-информационным отделом Сибгосплана, считает, что тов. Новомбергский вполне заслуживает применения к нему амнистии»²⁴. 17 января 1923 г. руководство Сибревкома направило во ВЦИК ходатайство об амнистировании проф. Новомбергского²⁵ (рис. 2). В автобиографии, написанной 3 октября 1924 г., он сообщал, что был амнистирован ВЦИКом²⁶.

Состояние здоровья Новомбергского также было непростым. Он страдал заболеванием сердца и периодически проходил лечение, впрочем, его положение облегчалось тем, что домашнюю помощь ему всегда могла оказать жена-врач. 5 июля 1922 г. профессор даже обращался к руководству Сибплана с просьбой уменьшить ему служебную нагрузку, так как он страдает «органическим заболеванием сердца и при крайнем переутомлении в настоящее время»²⁷. Однако впоследствии он дал согласие на ответственную должность в Сибплане. Впрочем, в заявлении руководству Сибплана от 14 июня 1923 г. Новомбергский напоминал о своем болезненном состоянии и о том, что, состоя на службе в советских органах с 1920 г., он ни разу не пользовался отпуском, вероятно, подчеркивая, что отпуска ему не предоставлялись²⁸. На его заявлении есть резолюция о предоставлении

²⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 560. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 12.

²² Там же. Л. 35.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 29.

²⁶ Там же. Л. 38 об.

²⁷ Там же. Л. 16 об.

²⁸ Там же. Л. 30.

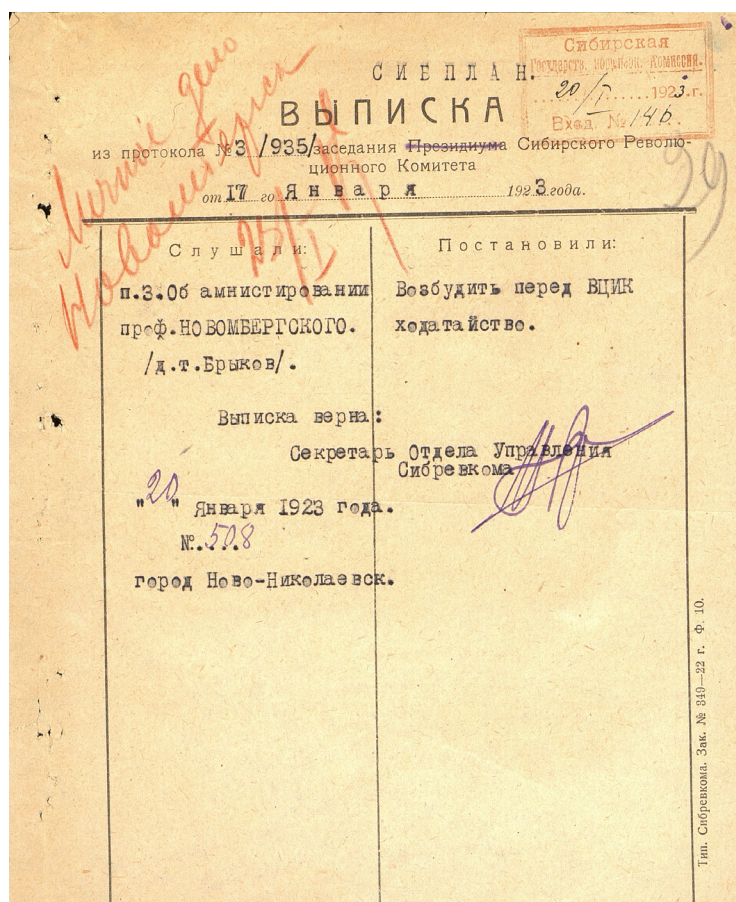


Рис. 2. Выписка из протокола заседания Сибревкома от 17 января 1923 г. о возбуждении ходатайства перед ВЦИКом об амнистировании Н. Я. Новомбергского. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 560. Л. 29. Заверенная выписка
Fig. 2. Extract from the minutes of the meeting of the Siberian Revolutionary Committee of January 17, 1923, on the initiation of a petition to the All-Russian Central Executive Committee for amnesty for N. Ya. Novombergsky. GANO. F. R-12. Op. 2 l. D. 560. L. 29. Certified extract

ему двухнедельного отпуска²⁹. В деле также сохранилась справка Новониколаевского губотдела здравоохранения о том, что для лечения ему требуется двухмесячный период³⁰. В декабре 1924 г. ему был назначен полторамесячный отпуск для лечения в физиотерапевтическом институте в Томске³¹.

Если исходить из приказов, хранящихся в его личном деле, то начиная с 1925 г. его командировки в другие города Сибири не превышали одной недели. Однако более длительными оказывались командировки в Москву в 1927 г., когда Новомбергский был председателем комиссии по составлению Генерального плана народного хозяйства Сибири. В частности, находился в Центре с 21 февраля по 16 марта 1927 г.³², затем выезжал в Москву по тем же делам летом того же года на две недели³³.

С 1924 г. Новомбергский стал членом коллегии, а затем заместителем председателя Сибплана.

Его заработок с этого года рос постоянно: в апреле 1924 г. он составлял 200 руб., в сентябре 1925 г. увеличился до 250 руб., а к середине 1928 г. достиг 300 руб. В 1925 г. ему уже предоставлялся в соответствии с его должностью трехнедельный, а затем и месячный отпуск. При заполнении налоговой декларации за полугодие в 1925 г. он указал два источника дохода: как член коллегии Сибплана (250 руб. в месяц) и как член редколлегии журнала «Жизнь Сибири» (48 руб. в месяц). Возможно, что источником семейного бюджета могли быть также и гонорары за публикации в других изданиях³⁴. Новомбергский занимал с семьей трехкомнатную квартиру с ежемесячной оплатой 30 руб. Семья имела прислугу (кухарку), содержание которой обходилось в 100 рублей в месяц. Заработок жены неизвестен. Но если считать объявленные самим Новомбергским доходы из двух источников, то текущие расходы (коммунальные услуги и наем прислуги) составляли половину месячного заработка.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 560. Л. 30.

³⁰ Там же. Л. 31.

³¹ Там же. Л. 41.

³² Там же. Л. 64–65.

³³ Там же. Л. 68.

³⁴ Там же. Л. 58.

При сравнении месячных заработков рабочих и служащих Сибири в середине и второй половине 1920-х гг. цифры выглядят следующим образом. Среднемесячный заработок промышленных рабочих-металлургов составлял в 1925 г. 52 руб. 50 коп., а в 1928 г. – 71 руб. 23 коп. Доход служащих в той же отрасли равнялся 78 руб. 80 коп. в 1925 г. и 105 руб. 71 коп. в 1928 г. Если соотносить заработок с бюджетным набором, в который входило достаточно широкое количество наименований продуктов и предметов первой необходимости, то данные статистики таковы: в 1927/28 хоз. году стоимость общего бюджетного набора в месяц в Новосибирске составляла примерно 20 руб. Расходы на продукты и предметы первой необходимости распределялись поровну³⁵. Если соотнести эти цифры с рыночными ценами в городах Сибири в начале 1926 г., то получим следующую картину по видам товаров (фунт/коп.): мука пшеничная – 12 коп., говядина – 16 коп., сахар-песок – 31 коп., масло сливочное – 56 коп., керосин – 7 коп., мыло – 14 коп., ситец (за метр) – 47 коп.³⁶

Конечно, заработок ответственных работников, к которым относились сотрудники Сибов, в том числе Сиб(край)плана, оказывался существенно выше, чем у служащих и интеллигенции на производстве. В этот период сам город Новониколаевск (Новосибирск), ставший краевым центром, быстро разрастался. Его особенностью было более быстрое увеличение категории служащих по сравнению с рабочими. По городской переписи 1923 г. в Новониколаевске проживало 73 тыс. жителей, самостоятельное население составляло 32 тыс. чел., из которых 9,4 тыс. – рабочие, 11,6 тыс. – служащие. По данным Всесоюзной переписи 1926 г. в Новосибирске проживало уже 113 тыс. жителей, самостоятельное население составляло 43 тыс. чел., а разрыв в численности рабочих и служащих увеличился (рабочие – 11 тыс. чел., служащие – 17,4 тыс. чел.)³⁷.

Существовала дифференциация и среди самих служащих. В коллективе Сибплана в 1925 г. месячная зарплата Новомбергского и Васильева как членов коллегии и заведующих секторами (200 руб.) была почти вдвое выше, чем у рядовых специалистов³⁸. Другая особенность дифференциации в оплате труда сотрудников внутри аппарата Сиб(край)плана заключалась в действии принципа партийного максимума для членов партии. По нему оклад последних не мог превышать средний уровень зарплаты для работников учреждения, который они возглавляли. Поэтому в 1925 г. еже-

месячная заработная плата председателя Сибплана Тамарина составляла 144 руб., а у Новомбергского и Васильева она исчислялась в 200 руб. В августе 1928 г. предкрайплана Хронин получал 183 руб. в месяц, Васильев и Новомбергский – по 300 руб., а Болдырев – 250 руб.³⁹ (рис. 3).

Безусловно, ответственные работники-коммунисты имели ряд других привилегий, помимо окладов на основной работе (возможность совместительства, привилегированного лечения и т. д.). Высокие оклады для беспартийных ответственных работников за сложность труда были тоже очень существенны и позволяли им, как отмечалось выше, иметь более качественные коммунальные условия жизни, чем у рядовых сотрудников. Однако для Болдырева и Новомбергского интенсивная

СПИСОК
СОТРУДНИКОВ СИБКРАЙПЛАНА 30/УИ - 1928 г. года.

№ п.п.	Фамилия, имя и отчество.	Должность.	Оклад в руб. коп.
1.	ХРОНИН Василий Никифор.	Председатель.	183
2.	ВОГУШАВСКИЙ Михаил Соломонов.	Зам. Пред. Крайплана.	183
3.	КРИСТАЛЬ.	" "	183
4.	НОВОМБЕРГСКИЙ Н.Я.	" "	300
5.	МИНЕВ Мих. Алексеев.	Член Презид.	183
6.	ЗАВЛОЦКИЙ Пав. Ильич.	Чл. Презид. Зав. торг. эк. Секцией.	183.
7.	ОКВЕРТОВ Л.А.	Чл. През. Зав. Промсеки.	300
8.	ПИИУС В.А.	" Зав. тр. Секцией	300
9.	ВАСИЛЬЕВ Н.С.	" вед. контр. интр.	300
10.	ПОТОКИНОВ.	Зав. секц. м/х. эк.	183
11.	МОНИН В.В.	Зав. Сельхозсекцией.	183
12.	ТЕКОМИРОВ Т.В.	Консулт. секц. м/х. эк.	250
13.	ПОНОМАРЕВ Г.Д.	" "	250
14.	БЕРЕНСОН.	Консулт. промсеки.	250
15.	СИНТОВСКИЙ С.С.	Консулт. по электр.	225
16.	ОРИДАНЦ О.М.	Референт. промсеки.	150
17.	МАЛИНИН М.А.	Консулт. о/х. секц. м/х. эк.	225
18.	АЛЕКСАНДРОВСКИЙ М.Т.	" " полевод.	225
19.	ЕЖНЕВ П.И.	" "	250
20.	ПОКРОВСКИЙ Е.И.	" " лесовод.	225
21.	ТЕЛТОВСКИЙ А.В.	" " коллектив.	170
22.	БОЛДЫРЕВ В.Г.	Т. эк. секц. по кон'нкт.	250
23.	ПЕТЯЛЬ Е.И.	Консулт. " по кред.	225
24.	КОЛУХОВ И.С.	" " по коопер.	200
25.	НОВИЦКИЙ А.П.	" " по обн. торг.	180
26.	КУЗЬМИН П.Т.	Статистик торг. эк. секц. по кон'нктуре.	100
27.	ВРУТНЕВСКАЯ В.И.	" " по контр. интр.	100
28.	КАРЧЕННИК М.Г.	Референт. промсеки. и врид. Секрет. Вспом.	170
29.	АГОРБАХ Н.К.	Уч. Секрет. Вспом.	170

Рис. 3. Список сотрудников Сибкрайплана по состоянию на 30 августа 1928 г. с указанием получаемого жалования. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 749.

Л. 13. Подлинник, подпись – автограф
Fig. 3. List of Sibkraiplan employees as of August 30, 1928, indicating the salaries received. GANO. F. R-12. Op. 1. D. 749. L. 13. Original, signature - autograph

³⁵ Сибирский край : стат. справ. Новосибирск : Статсектор Крайплана, 1930. С. 360, 364, 378.

³⁶ Жизнь Сибири. 1926. № 3. С. 61.

³⁷ Сибирский край : стат. справ. ... С. 22.

³⁸ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 655. Л. 10-11.

³⁹ Там же ; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 749. Л. 73.

служебная работа порождала обострение хронических болезней, на лечение которых уходили недели, а у Новомбергского иногда даже и месяцы. Кроме того, Новомбергский и Васильев как главные фигуры в разработке плановых показателей находились в 1927 г. в командировках в центральных органах Госпланов РСФСР и СССР по месяцу и более, когда интенсивность их работы резко возрастала.

Говоря о характеристиках профессиональной деятельности «бывших» в сфере регионального планирования Сибири в 1920-е гг., отметим ряд важных черт. Прежде всего, на протяжении периода трансформаций структуры и функций плановых органов (от Экономического отдела к Сибплану в составе Сибревкома и затем преобразованному в конце 1925 г. в Крайплан в составе Сибкрайисполкома) именно «бывшие» составляли ядро и наиболее квалифицированную часть аппарата краевого планирования. На фоне частой смены руководства Сиб(край)планом, который иногда возглавляли видные хозяйственники-коммунисты по совместительству, «бывшие» обеспечивали стабильность функционирования этого органа. Они выполняли основной объем координационной и консультационной работы, который позволял плановым работникам давать экспертные заключения руководству Сибири для того, чтобы более обоснованно формулировать и представлять интересы и потребности края в Центре.

Первоначально И. М. Майский, а затем Н. Я. Новомбергский и Н. С. Васильев руководили разработкой первых операционных текущих годовых хозяйственных планов для Сибири в начале 1920-х гг. Позже в 1926–1928 гг. они возглавляли коллективы, готовившие среднесрочные (пятилетние) и долгосрочные (15-летние) планы экономического и социально-культурного развития Сибири. Опытный финансист с большим дореволюционным стажем Г. А. Краснов разрабатывал принципы финансового обеспечения перспективных планов. В. Г. Болдырев руководил таким важным направлением плановой работы, как конъюнктурные обзоры текущего состояния экономики за прошедшие кварталы текущего хозяйственного года, без чего невозможно было формировать цифры на следующий хозяйственный период.

Разработчики регионального планирования не создавали уникального продукта, поскольку их деятельность направлялась инструкциями и рекомендациями центральных Госпланов СССР и РСФСР. Однако они могли опираться на возможности краевого бюджета и добиваться увеличения лимитов из государственного и республиканского бюджетов в интересах развития Сибири. Регулярные командировки в Центр позволяли им выступать с рекомендациями на госплановских совещаниях,

где обсуждались сибирские вопросы. Безусловным вкладом «бывших» являлось то, что они одними из первых в стране приступили к разработке принципов учета и координации НИР для нужд Сибири.

Для «бывших» 1928 г. стал прологом будущего «перелома». Прошедший летом в Москве Шахтинский процесс над группой деятелей горно-рудной промышленности юга России и Донбасса, обвиненных во «вредительстве» и связях с эмиграцией, послужил не столько причиной, сколько поводом для объявления «вредительства буржуазных специалистов» новой опасной формой классовой борьбы и стал началом кампании «чисток» и репрессий в отношении «бывших» в управленческих структурах. Осенью Н. Я. Новомбергский и В. Г. Болдырев были сняты с должностей и уволены. Новомбергский затем уехал в Европейскую часть страны, однако в 1930 г. был арестован. После пребывания в лагере его перевели на положение ссыльного, и последний период своей жизни до кончины в 1949 г. он провел в Архангельске, работая в местных педагогическом и медицинском институтах.

Болдырев, сохранивший в Новосибирске должность сотрудника в Институте планово-экономических исследований при Крайплане, в начале 1933 г. подвергся аресту, объявлен чекистами руководителем мифического «Западносибирского белогвардейского заговора» и расстрелян 20 августа 1933 г. Вместе с ним был расстрелян Г. А. Краснов. В ходе арестов 225 чел. по этому «делу» основную массу составляли «бывшие», работавшие в различных учреждениях Новосибирска и других соседних городов. Изъятие этой группы высокопрофессиональной интеллигенции нанесло очевидный урон интеллектуальному потенциалу региона, отраслям экономики, науки, культуры. Эти действия стали демонстративным актом социально-политического реванша большевистского руководства над своими бывшими противниками без учета срока давности (Красильников, 2009).

Заключение

Наступивший в стране после окончания Гражданской войны период характеризовался полноценным восстановлением и функционированием ключевых институтов власти и управления, потребовав от большевистского режима привлечения к деловому сотрудничеству бывших политических противников. В частности, «бывшим», трудившимся в Сиб(край)плане, предоставлялся определенный стандарт жизнеобеспечения на уровне среднего звена партийно-советской номенклатуры. Это позволило специалистам эффективно осуществлять функции планово-экономической экспертизы в целях обеспечения текущего и перспективного регионального развития. Непродолжительность периода взаимовыгодного сотрудничества боль-

шевистской номенклатуры с «бывшими» (профессионализм в обмен на политическую лояльность) в значительной мере определялась устойчивым и обостренным ощущением большевиками своей управленческой зависимости от обладателей культурного капитала.

*Статья подготовлена по бюджетной теме
Института истории СО РАН «Социально-
экономический потенциал восточных регионов
России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики
управления, динамика, геополитический контекст»
(FWZM-2024-0005).*

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.*

Конфликт интересов
*Автор заявляет об отсутствии конфликтов
интересов, требующих раскрытия в этой статье.
Conflict of interest
The author declares no conflict of interest related
to this article.*

Список источников / References

Акишин М. О. Политические взгляды и государственная деятельность Н. Я. Новомбергского // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 5–11 [Akishin MO (2019) Political views and state activities of N. Ya. Novombergsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* 61: 5–11. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/61/1>

Баранова Е. С. Социальная категория «бывшие люди»: изучение понятия в современной науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 6, ч. 2. С. 27–29 [Baranova ES (2014) The social category of “former people”: study of the concept in modern science. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie* 6-2: 27–29. (In Russ.)].

Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с. [Korel' LV (2005) Sociology of adaptations: issues of theory, methodology and techniques. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)].

Красильников С. А. «Белогвардейский заговор» 1933 // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 184–185 [Krasil'nikov SA (2009) The White Guard conspiracy of 1933. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, vol. 1, pp. 184–185. (In Russ.)].

Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1. С. 90–104 [Petin DI (2023) The dismissal of former officers during the purges of Soviet institutions in 1928–1929 (using the example of district financial departments in Siberia). *Istoricheskii kur'er* 1: 90–104. (In Russ.)].

Пивкин В. М. Два генерала – одна судьба. Новосибирск : Сибпринт, 2009. 464 с. [Pivkin VM (2009) Two generals – one destiny. Novosibirsk: Sibprint. (In Russ.)].

Савин А. И., Журавлев В. В. Частная амнистия. Как сибирские большевики амнистировали колчаковских министров // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 530–548 [Savin AI and Zhuravlev VV (2023) An occasional amnesty. How the Siberian Bolsheviks granted amnesty to Kolchak ministers. *Noveishaya istoriya Rossii* 13 (3): 530–548. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.301>

Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. Москва : Мир истории, 2003. 296 с. [Smirnova TM (2003) “Former people” of Soviet Russia: survival strategies and paths of integration, 1917–1936. Moscow: Mir istorii. (In Russ.)].